

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН (1917–1941)

И. И. Янушевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, yanush@bsu.by*

В статье проводится анализ содержания антирелигиозной пропаганды в советском государстве до 1941 г. Определено, что идеалистическое мировоззрение выступало препятствием в формировании нового наполнения содержания исторической памяти граждан в условиях однопартийной системы. Проанализированы попытки создания принципиально нового образа современной женщины, основанного на коммунистических идеалах. Установлено, что насаждаемые некоторой частью антирелигиозного аппарата поведенческие традиции являлись полной противоположностью христианской морали.

Ключевые слова: атеизм; коммунистическая партия; Православная церковь.

ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA AS AN INSTRUMENT OF IDEOLOGICAL POLICY TOWARDS SOVIET WOMEN (1917–1941)

I. I. Yanushevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, yanush@bsu.by*

The article analyzes the content of anti-religious propaganda in the Soviet state before 1941. It is determined that the idealistic worldview was an obstacle in the formation of a new content of the historical memory of citizens in the conditions of a one-party system. The article analyzes attempts to create a fundamentally new image of a modern woman based on communist ideals. It is established that the behavioral traditions imposed by a certain part of the anti-religious apparatus were the complete opposite of Christian morality.

Keywords: anti-religious propaganda; atheism; Communist Party; Orthodox Church.

Революции 1917 г. в Российской империи стали знаковыми событиями в мировой истории. Впервые под руководством многонациональной группы политических активистов к власти пришла партия, выражавшая интересы рабочих и крестьян. При этом, представители этих самых многочисленных классов являлись наиболее воцерковленными — по убеждения или в силу принуждения или привычки соотносили свои жизненные убеждения, традиции, быт с религиозными действиями. Новое политическое руководство объявило о намерении построения первоначально социалистического государства, а в дальнейшем было обещано обеспечить переход к коммунизму. «Настольной книгой» строителей коммунизма были

произведения классиков марксизма. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин четко сформулировали теоретические условия для осуществления данного процесса. Ключевой задачей было обеспечение мировоззренческого единства нового общества. Предстояла коренная ломка экономического и политического устройства старой модели государственного управления и системы взаимоотношений трудящихся и нанимателей. Осуществить их было возможно только минимизировав или полностью исключив противодействие как утративших прежние преференции правящих классов, так и не разделяющих программные установки большевиков крестьян и рабочих. Одним из наиболее спорных был пункт 13 программы: «Отделение церкви от государства и школы от церкви» [1, с. 420]. РСДРП и лично В. И. Ленин до Октябрьской революции 1917 г. всячески старались избежать конфронтации с потенциальными членами партии или сочувствующими социал-демократическим силам. Право свободы совести подразумевалось и для членов партии, не овладевших в полном объеме основами марксизма [2, с. 415–417]. Само по себе это было вполне демократичное и современное эпохе требование, если бы не еще одна идеологическая установка, сформулированная в 1919 г. в «Азбуке коммунизма» — настольной книге не только членов правящей партии, но и всех «сознательных граждан». Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский в доступной форме изложили взгляды классиков марксизма-ленинизма на государственное строительство в Советской России. Авторы указали, что «религия и коммунизм не совместимы ни практически, ни теоретически» [3, с. 41–42]. В условиях массового исключения представителей нелояльных большевикам социальных групп из политической жизни, духовенство с церковноприходскими советами подвергались массовому прессингу. К началу 1920-х гг. становится понятно, что мировоззренческие вопросы силовыми способами не решаются даже большевистскими темпами. Перед идеологическим фронтом стояла практически не решаемая дилемма. Стало понятно и на практике, и как К. Маркс и Ф. Энгельс указывали ранее, что процесс отхода от религии будет длительным и очень сильно зависеть от социально-экономического положения в стране. В тоже время государственное развитие требовало наличия максимально возможного количества сознательных строителей социализма. И им мог быть только марксист, а значит материалист [4, с. 101–102]. Поэтому перед антирелигиозно настроенным идеологическим аппаратом стояла задача организации системы атеистического воспитания населения. Она должна была охватывать все стороны общественной жизни человека. Советизация подразумевала активное содействие социалистическому строительству. Стержневой проблемой был поиск механизмов корректировки исторической памяти населения.

Религиозный фактор был определяющим в жизни граждан Российской империи. Попытаться заменить его в короткий промежуток времени можно было только на основании радикальных мер. В статье рассмотрим действия антирелигиозной вертикали по использованию «женского вопроса» как значимого аспекта материалистического мировоззрения с учетом перспектив изменения социального статуса женщин в коммунистическом обществе.

Важным сегментом всей пропагандистской системы являлись информационная работа среди женщин. Для этого было несколько весомых причин. Во-первых, их роль в воспитании подрастающего поколения. Мать и бабушка играли главную роль в формировании мировоззрения ребенка. Вторым негативным фактором для новой политики являлось значительное усиление позиций женщин в организации церковной жизни. Особенно это касалось монашествующих [5, с. 39]. В сложившейся ситуации пропагандистам следовало акцентировать свое внимание на тезисах о поддержке религией бесправного и унижительного положения женщин в обществе и семье и отсталости, несовременности верующей женщины [6, л. 16–17]. Претензия большевиков на создание революцией общества равных возможностей для обоих полов была важнейшей идеологической установкой. По сравнению с царской Россией советские женщины получили гораздо больше способов реализовать свои творческие, научные и организаторские способности [7, л. 3]. Подобные тенденции были характерны уже и в конце XIX–начале XX в., и они интенсифицировались во всем мире. Социально-бытовой, а не религиозный фактор был определяющим в этом процессе. В христианстве и иудаизме статус женщины в XX в. не соответствовал насаждаемым антирелигиозной пропагандой и измышлениями Ем. Ярославского в его «Библии для верующих и не верующих» искаженным идеологическим штампам [8, с. 12, 34, 45]. Имевшийся статус женщины как хранительницы семейного очага, матери с делегированием мужчинам определенных управленческих и хозяйственных функций был естественным и рациональным. Сюжеты Ветхого Завета и те же слова из послания апостола Павла к Тимофею и коринфянам атеистами и верующими воспринимались абсолютно по-разному [9, с. 3]. Решения Поместного Собора 1917–1918 гг. по вопросу возрождения соборности, организации приходской жизни и необходимость защиты Церкви, от безбожных властей фактически выдвинули женщин на первый план борьбы [10, л. 43–44]. Социальные завоевания женщин в стране Советов на тот момент еще не были столь значительны как преподносилось пропагандистами, а утверждения об отсталости именно верующих женщин не могли стать убедительными [6, л. 17]. Моральные устои семей сохранялись на высоком уровне. Жена, мать, бабушка были хранительницами

традиций, в том числе и культовых. Поэтому необходима была дискредитация этих базовых оснований «буржуазного общества». Сталкивание интересов супругов, представителей разных поколений являлось крайне важным в процессе разрушения традиционной семьи и межпоколенческих связей [11]. В 1920-е гг. упор делался на противопоставление нравственных норм христианских женщин и «новой моралью» строителей коммунизма [12, с. 16]. Фактически не принятие женщиной или девушкой нормальности беспорядочности половых отношений, нарушения иных моральных норм христианства обозначалось как отсталость и приверженность буржуазной морали. Как причину слабого участия в активной общественно-политической жизни ответственные работники указывали религиозность женщин. И на самом деле социальный лифт зачастую требовал от них корректировки моральных принципов. Пропащими и даже вредными для общества и, особенно для резерва кадров, считал Первый секретарь ЦК КП(б)Б В. Г. Кнорин комсомольцев и управленцев, допустивших слишком вольное отношение к своим коллегам [13, л. 26]. Девушки и женщины были наиболее уязвимы в данной ситуации. Подобное отношение к слабому полу имело место и в дореволюционной России, и связано было с действиями имущих классов. Карьерная лестница девушек и женщин усложнялась в силу пренебрежительного отношения мужчин коммунистов и комсомольцев к своим коллегам [14, л. 8]. Например, в высших руководящих органах женщин в 1937 г. было 11 %, в основном в сфере образования и культуры [15, с. 80].

Под лозунгом «все старое рухнуло» предполагалось продвинуть идею некоего нового «безрелигиозного общества», где семья хоть и признавалась как ячейка общества, могла «не быть необходимой» [16, с. 44]. Женщина должна была стать неким биологическим механизмом с «сильным, правильно развитым организмом, который может выдерживать всякие испытания...» [16, с. 42]. Н. К. Крупская прямо заявила, что молодежь должна придерживаться не связанной с тем же христианством «новой морали», и коммунист, как и всякий строитель нового светлого будущего «должен всегда руководствоваться интересами коммунизма» [12, с. 16]. Новатор безбожия Е. Ярославский вообще утверждал, что «революция ослабила половое чувство, половые стремления как у мужчин, так и у женщин» [17, с. 185]. Беспорядочность половых отношений в молодежной среде, посиделки, ночевки приводили к негативным последствиям семейно-бытового характера и не могли не настораживать и отпугивать как взрослое население, так и молодежь [18, л. 75]. Подобное падение нравственности и приближение отношения к половым связям исключительно как к физиологической потребности подрывало духовно-нравственные

основы общества [14, л. 8]. Для традиционных конфессий подобное поведение могло стать точкой невозврата в лоно церкви и путь как к безбожию, так и к извращенным культовым практикам псевдорелигиозной направленности в 1930-е гг.

Содержание антирелигиозной пропаганды по дискредитации верующих женщин в 1920–30-е гг. претерпело значительную трансформацию. Эксперименты над семьей и сакральностью отношений полов 1920-х гг. были признаны ошибочными [19, с. 75–76]. Многочисленные прерывания беременностей, безотцовство, проституция особенно сильно били по молодежи. Нравственный обрыв, отход от религиозной морали и слабое усвоение конструктивной советской поведенческой позиции толкали молодых людей на административные и уголовные преступления. К середине 1920-х гг. около 50% случаев хулиганства приходилось на молодежь до 24 лет [19, с. 25]. С начала 1930-х гг. главным препятствием в советизации становятся воцерковленность женщин, их стремление любыми средствами сохранить возможность выполнения религиозных обрядов. И это было серьезной проблемой. Властям на законодательном уровне удалось установить контроль над составами церковноприходских советов. Фактически получилось исключить участие в их работе социально активную часть прихожан и в первую очередь мужчин. Основную нагрузку по сохранению храмов и организации церковной жизни взяли на себя женщины. Воздействовать на данный контингент пропагандистскими средствами было невозможно. Необходимо было обозначить их «вредность» для общества и для каждого человека в отдельности. Еще большую опасность представляли их религиозные действия.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что центральное место в создании предпосылок для отхода женщин от религиозной жизни оказывали социально-бытовые мотивы и новые поведенческие традиции. Христианство в советском государстве не давало каких-то значимых поводов для перехода на «атеистические рельсы» женщин из-за «женского вопроса». В Православной церкви «белые платочки» весь советский период не только в организационном, но и миссионерском плане занимали ведущее положение. Антирелигиозное толкование библейских сюжетов противоречили сути христианской морали. Статус женщины в советской семье основывался на социально-бытовых традициях и на сформированных уже советской властью условиях. Доминирующая роль мужчин в некоторых сторонах совместной жизни представлялось естественной и не требующей эмансипации. В таких условиях пропаганда совершенно оправдано шла на разрушение нравственных основ личности девушек и женщин, подменяя веру в божественный промысел верой в

человеческий потенциал. Как промежуточный вариант в 1920-е гг. популяризировался антихристианский образ женщины. Отсутствие интимного стыда, отказ от традиционных семейных отношений, нивелирование отличий полов, оккультные практики были несовместимы с религиозной жизнью. В 1930-е гг. эти разрушающие общество инновации были свернуты. Главным становится идея дискредитации верующей женщины как врага социалистического строительства. Подобный гражданин не имел возможности социализации в коммунистическое будущее, являлся преградой в счастливой судьбе своих детей и врагом своего Отечества. Вопрос обеспечивали ли вышеприведенные приемы отказ человека от веры в Отца и Сына и Святого Духа в рассматриваемый период остается открытым. Так же, как и вопрос о степени влияния подобной информации на формирование мировоззренческой позиции человека, переход его с идеалистических позиций к материалистическому пониманию картины мира.

Библиографические ссылки

1. Документы и материалы II съезда РСДРП. 17 июля–10 августа (30 июля–23 августа) 1903 г. Программа Российской социал-демократической рабочей партии // Второй съезд РСДРП. Протоколы. Москва: 1959.
2. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 415–426.
3. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Рос. коммунист. партии большевиков. Самара: Изд-во Самарского губкома Р. К. П., 1920.
4. Янушевич И. И. Проблемы распространения атеизма в молодежной среде в СССР // Современная молодежь и общество: сб. науч. ст. Выпуск 10. Минск: РИВШ, 2022. С. 97–103.
5. Бондарева Н. С. Новый тип женщины в истории Русской православной церкви // Сборник трудов XXIV Всероссийской студенческой научно-практической конференции Нижневартковского государственного университета // Нижневартовск, 05–06 апреля 2022 года. С. 39–44.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4223.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2401.
8. Ярославский Ем. Библия для верующих и неверующих. Москва: Политиздат, 1977.
9. Красиков П. Женщина, религия и коммунизм // Революция и церковь. 1919. № 2. С. 1–3.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 161.
11. Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2023; № 12(3). С. 446–477.
12. Крупская Н. К. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. Москва: Госполитиздат, 1959.
13. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4294.

14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 42.
15. *Жиromская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. Москва: Наука, 1996.
16. *Луначарский А. В.* Воспитание нового человека. Ленинград: Прибой, 1928.
17. Партийная этика Документы и материалы дискуссии 20-х годов / Сост. и авт. примеч. М. А. Макаревич. Москва: Политиздат, 1989.
18. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 70.
19. *Гужалоўскі А. А.* Сацыяльна-утапічны эксперымент. Вопыт арганізацыі маладзёжных камун у БССР // Беларуская думка. 2016. № 1. С. 70–76.
20. *Даніловіч В. В.* Уплыў асацыяльных з'яў на моладзь Савецкай Беларусі і барацьба з ім (1921–1939 гг.) // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі. 2015. № 2. С. 23–34.